

ПОЧЕМУ МОНАШЕСТВО ПРИХОДИТ В УПАДОК

В чем причина упадка современного монашества?

Еще недавно монастыри разрушали, монахов ссылали и убивали. Теперь монастыри открывают, но монашество стало похоже на большого, умирающего на мягкой перине.

Раньше были монахи — хорошие или плохие, но монахи. Теперь же — сколько появилось людей, которые сами хорошо не понимают, чего они ищут в монашестве, чего хотят. Какой хаос царит в их сердцах и головах под шелковыми рясами и блестящими клубуками! Свяtitель Григорий Богослов выразил саму суть монашества в словах: «Пусть всё возьмет у меня мир и оставит только одно — Христа». Эта духовная нищета, которая имеет только одно — любовь ко Христу, — стала для современного монашества непонятной. Оно боится всеожигающей любви и не хочет оставить мир, и мир продолжает жить в глубине его души под видом служения людям, проповеди христианства, помощи нуждающимся и большим, строительства новых монастырей и корпусов и т. п. Монахи как будто страшатся выйти

из суеты бесчисленных дел на простор сердечного безмолвия, где дух человека ощущает дыхание вечности и присутствие Божества.

Мы не говорим здесь о сознательных лицах, которые служат своим страстям. Речь не о них, а о более важном. Почему катастрофически падает монашеский дух? Почему иноки стали отлучаться от мирских людей только безбрачием, молитвенным правилом, а также иной одеждой? Мы встречаем монахов-строителей, проповедников, богословов, врачей, воспитателей и т. д. именно потому, что эти занятия заполняют духовный вакуум, который образовался в сердце современного монашества. Говорят, что теперь другие времена, но ведь мир и раньше не понимал монашества, и, однако, оно не требовало понимания и признания мира, оно отделяло себя от него настолько монастырской стеной и песками пустыни, сколько главным — устремлением своего духа, самоотречением. «Я распялся миру, и мир распялся мне» (см.: Гал. 6, 14), — сказал об этом самоотречении апостол Павел. Монашество — это подвиг непрестанного обращения ума и сердца к Богу и очищения души от мирских образов и помыслов, под которыми скрываются страсти. Монах — тот, чье освобожденное от теней и призраков мира сердце живет и дышит именем Иисуса Христа.

Один из древних христианских писателей, может быть, не вполне точно, но образно сказал: «Когда дух отвращает око ума от Бога, то душа

становится жестокой и холодной». И когда ум монаха обращается к земному и образы мира наполняют его сердце, он становится мертвым для Бога и негодным для людей, свет его духа гаснет.

Монашество — это искусство непрестанной Иисусовой молитвы, которое святые отцы называли художеством из художеств и наукой из наук. Только эта внутренняя, сердечная, неведомая миру молитва может сделать инока иным существом. Древние отцы учили Иисусовой молитве своих учеников; они считали ее самым главным делом монаха, а все остальное — только приговлением к ней.

Мирские дела, как бы ни были сами по себе полезны и достойны, являются областью, чуждой монаху, страной, которую он покинул. Эти дела отворяют дверь души для целой толпы помыслов, воспоминаний, планов, картин, мысленных бесед, за которыми вторгаются в душу гнев, боязнь, тщеславие, похоть и другие страсти. Молитва становится внешней и поверхностной, человек вспоминает о ней между мирскими делами как о чем-то второстепенном. Если даже он будет прилагать усилия, чтобы не потерять молитву в суете этих дел, то молитва из яркого пламени превратится в мерцающий копящийся ночник.

Только умерев для мира, закрыв от него свои чувства, монах может заниматься Иисусовой молитвой как духовным художеством; только занимаясь Иисусовой молитвой, он может хранить свое сердце от помыслов, видеть помыслы при самом их зарождении, разбивать их о камень имени

Иисуса и хранить душу в безвидении картин и образов, в безмыслии от помыслов, в тишине от чувств. В безмолвии и молитве пробуждается его дух, и душа становится горячей и мягкой, как расплавленный воск; тогда он видит свои грехи и плачет от скорби, что прогневляет Бога, и от радости, что Бог не покинул его; тогда благодать приходит в душу: сначала как тепло сердца, затем как свет ума, и человек начинает видеть себя и мир преобразенным; тогда он постигает тайну монашества как тайну любви и радуется больше, чем если бы его венчали на царство.

В сравнении с благодатью все, к чему стремиться и чем гордится мир, кажется прахом и пеплом. Господь не лишает монахов страданий, более того, нередко они переживают испытания и искушения куда более страшные, чем мирские люди; но в самих страданиях они имеют великое утешение и неоскудевающую радость сердца. Монашество дает человеку полноту жизни как полноту любви. Весь мир не может наполнить бездну человеческого сердца, но имя Иисуса Христа, необъятное, как небесная глубина, объемлет и наполняет ее. Поэтому монах сидит безмолвно в своей келии с именем Иисуса Христа, и келия эта кажется ему преддверием рая.

Великий наставник монашествующих — подобный Исаак Сириянин пишет, что если монах будет заниматься своим делом и пребывать в безмолвии, то Бог Сам попечется о нем. И подобный Исаия отшельник говорит: «Не выходи из своей келии, твори молитву, делай поклоны, не

спрашивай, кто пропитает тебя, — Бог знает об этом и пошлет то, что тебе нужно». И преподобный авва Дорофей учит: «Если Бог захочет успокоить человека, то положит на сердце и сарацину сотворить с ним милость». Пророк и псалмопевец Давид сказал: *Я не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба* (Пс. 36, 25). Здесь праведник тот, кто занимается своим делом: молитвой, безмолвием и рукоделием, то есть необходимым трудом; он не будет голодать ни духовно, ни телесно, а *потомки* его, то есть его ученики, постигшие искусство молитвы и сущие одного с ним духа, не будут искать мирских покровителей.

Как говорит преподобный Исаак: «Если ты будешь истинным монахом и будешь служить только Богу, то мир придет к тебе, как раб, и ляжет у твоих ног». И если монах — ради сохранения своих обетов и отречения от мира — подвергнется испытаниям и лишениям, гонениям и клевете, изгнанию и оставлению всеми и вытерпит это до конца, то Господь даст ему сугубую награду: здесь, на земле, среди страданий, — особое духовное утешение, а в вечности — венец мученика за Христа.

